

Карл Кантор. «Мистерия-Буфф» Александра Зиновьева²

Любая изданная книга есть факт — биографии автора, работы издательства, типографии, книжного рынка и читательского к ней внимания. Факт, как известно, вещь упрямая, но — добавлю — упрямая, как вкоренившаяся бытовая привычка, чаще всего — дурная.

Таких фактов — фактических книг — миллионы.

Есть другие, редкие — книги со-бытия, то есть сопричастные не быту, но *Бытию*. Именно через такие книги (и другие подобные им творения человеческого духа) Бытие бытийствует. Они, имеющие «паспортную прописку» (дату и место рождения), преодолевают границы времени и пространства.

«Зияющие высоты» — книга-со-бытие. Уже первые ее страницы изумляют. Так поражают горы, когда их видишь впервые.

Казалось, все самые великие книги давно написаны (романы М. Булгакова и А. Платонова были последними), а в наши дни невозможно сочинить ничего равноценного. Оказалось —

² Предисловие к книге А. Зиновьева «Зияющие высоты». М., 2000.

возможно. Вот оно, равноценное, перед вашими глазами. За «Зияющими высотами» последовали и другие бестселлеры А. Зиновьева. Автор многих романов, повестей, рассказов, поэм, эссе, очерков, социологических трактатов, политической публицистики, он создал целый литературный континент — «зиновьевландию». Его нельзя было бы ни объехать, ни освоить, если бы вы, читатель, отправляясь в путешествие, не начали с «Зияющих высот», в которых закодированы, как в ДНК гены, идеалы, идеи, темы, образы всех последующих книг неистощимого автора. В них в «свернутом виде» и «Светлое будущее» и «Преддверие рая», «Желтый дом» и «Пара беллум», «Иди на Голгофу» и «Живи», «Евангелие от Ивана» и «Смута», «Русский эксперимент» и «Запад», «Глобальный человек» и все остальное.

Трудно поверить, но первая художественная книга Зиновьева была написана, когда автору (уже всемирно известному ученому-логик) исполнилось пятьдесят четыре года. К этому возрасту иные талантливые писатели достигали своего акмэ или писали закатные опусы, а Зиновьев только «взял старт».

«Зияющие высоты» и во всех других литературных измерениях — уникальны. Загадочная книга. Это не эпопея, не роман, не повесть, не пьеса, не поэма и вместе с тем — и эпопея, и роман, и пьеса, и поэма, но в каком-то необычном переплетении родов и видов литературы.

Попытаюсь все-таки определить, хотя бы приблизительно, синтетический жанр «Зияющих высот».

Свою первую послеоктябрьскую пьесу Маяковский назвал «Мистерия-Буфф» с заголовком «Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Было это в 1918 году. Прошло шестьдесят лет. Начинаясь совсем другая «наша эпоха». И появилась новая «Мистерия-Буфф» — об агонии советской власти накануне Перестройки, предавшей идеалы Великой Революции и оставившей России только «Буфф» без «Мистерии».

Те, кто противопоставляет сегодняшнего Зиновьева, автора «Катастрофы», «Посткоммунистической России» и гневной политической публицистики, Зиновьеву «Зияющих высот», — либо недобросовестны, либо эстетически близоруки. Зиновьев в «Зияющих высотах» написал сатиру не на Октябрь, не на коммунистические идеалы, а на двурушнические круги «марксистско-ленинской» (не диссидентской! — заметьте это) интеллигенции, подрывавшей устои уже деградировавшего советского строя, выдавая его упадок за подъем. Обнимая — душили.

Теперь очевидно: «Зияющие высоты» были предвидением неизбежного перерождения комических персонажей его «Мистерии-Буфф» в откровенных антисоветчиков и антикоммунистов.

Это она — «марксистско-ленинская» интеллектуальная литература правит бал в городе-государстве «Зияющих высот» — Ибанске, где жители когда-то носили славную фамилию Иванов, а в Ибанске стали Ивановыми, а их градоначальник соответственно — Заибановым, или, сокращенно, — Заибаном.

Я назвал «Зияющие высоты» новой «Мистерией-Буфф». И думаю — справедливо.

Но это не все, что можно и нужно сказать о жанре этой таинственной словостройки.

Зиновьев не был бы Зиновьевым, то есть не только художником, но и ученым, если бы сам не определил жанр «Зияющих высот». Он назвал их социологическим романом. Именно социологическим, а не социальным. Социальными являются все художественные произведения — и хорошие и не очень, — если только вниманию и любви к человеку, отечеству и человечеству писатели и живописцы не предпочитают самоудовлетворение «искусством для искусства».

«Зияющие высоты» — роман, безусловно, социальный, но он еще и социологический, удесятеривший возможности художественного постижения жизни и эстетически преобразующего воздействия на нее.

Социологическим романом «Зияющие высоты» стали потому, что Зиновьев впервые в мировой литературе органически соединил в едином и цельном повествовании искусство и

науку, науку об обществе — социологию. Ни с какой другой наукой (физикой, химией, биологией и другими) искусство несоединимо.

Физики и биологи могут быть (и бывали) героями романов. Но наука физика или наука биология, будь они вплетены в ткань художественного повествования, разорвали бы ее в клочья. Социология, напротив, сделала эту ткань более прочной, поскольку у художественной литературы и социологии один и тот же предмет — человек и общество.

Автор «Зияющих высот» сам является и главным героем романа, легко узнаваемым под масками персонажей — Шизофреник, Клеветник, Болтун. Он — автор, единый в трех (по крайней мере) масках, непреременный участник шутовского карнавала — «мероприятия», каковым является жизнь Ибанска и его мозгового центра — высшего идеологического института. Коллектив института — карьерист на карьеристе, — лицемера, соперничая, завидуя, донося, обманывая и обманываясь, печет убаюкивающие начальство социологические фальшивки. В то же время Шизофреник (Клеветник, Болтун), уединясь в своей бедолажной комнатенке, создает новую социологическую теорию общества, моделью которого для него служит Ибанск. Читатель становится свидетелем того, как создается социологическая теория.

Он видит, как ученый от эмпирических наблюдений, пользуясь им самим разработанной методологией и опираясь на божественный дар интуиции, приходит к открытию социологических законов. Это чертовски увлекательно. И тут же читатель знакомится с результатами социологических исследований и обобщений — не урезанным, не упрощенным, доступным и захватывающим социологическим текстом.

Социологический трактат Шизофреника — это книга в книге. Прием вставных новелл, романов в романе, пьес в пьесе или картин в картине давно опробован в литературе и живописи. Внутренние зеркала не только придают объемность и достоверность изображению благодаря эффекту бесконечных отражений в отражениях, но и внушают читателю или зрителю, что перед ним не произведение искусства, а доподлинная жизнь.

Социологический трактат Шизофреника в «Зияющих высотах» — не простое внутреннее зеркало. Он превращает роман в рентгенологическую «комнату смеха». Одних действующих лиц она уменьшает, других увеличивает, третьих сплющивает, четвертых раздувает, красавиц делает дурнушками, а золушек королевами, за маской «Мыслитель» она обнаруживает, что он лишь воплощает социальную функцию считаться таковым, а на самом деле Мыслитель — эрудит-компилятор, тогда как Шизофреник — воплощение антисоциальной функции — на самом деле истинный мыслитель. «Социолог» — маска социальной функции ибанского общества, а на деле он — эпигон зарубежной псевдосоциологии, а тот же Шизофреник — социолог «от Бога»; за маской «Сотрудник» — социальная функция в Ибанске первостатейная — скрывается клеветник и доносчик, а за маской антисоциальной функции «Клеветник» — «режущий правду-матку» при любых обстоятельствах и невзирая на лица. Под маской «Художник» выполняет социальную функцию вождя писца бездарный мазила, а под маской изгоя «Мазилы» лепит свою антисоциальную функцию великий скульптор.

Перед нами еще одна грань многогранного кристалла, выращенного Зиновьевым, — комедия масок, маскарад жонглеров, канатоходцев, скоморохов, шутов. Маски флиртуют, фехтуют, социальные маски теснят антисоциальные, ибо «социальный прогресс, — как говорит Зиновьев, — процесс антисоциальный». А в Ибанске прогресса нет.

Все это было бы грустно, когда бы не было так смешно.

Шизофреник, Клеветник, Болтун — все эти антисоциальные типы — балагуры, остроловы, пародисты, мастера каламбуров, парадоксов, розыгрышей, подначек. Смех — сардонический, гомерический и всяких прочих разновидностей — их оружие защиты и нападения. Своих социальных антагонистов они высмеяли вдрызг. Хохот сотрясает храмину «Зияющих вы-

сот». Смеются герои социологического романа, заливаются смехом «несоциологические» читатели.

Зиновьев способен из одной фразы извлечь сатирический образ, перекрывающий фольклорные сатиры. Таков и оксюморон — «зияющие высоты». А сколько их еще в тексте — оксюмонов, гипербол, аллегорий, шарад?

Весь громадный том «Зияющих высот» разделен на сотни коротких глав — по одной, две, три страницы. Это кванты творческой энергии автора, заражающие читателя стремлением к сотворчеству, понимаю, «срыванию всех и всяческих масок».

Интеллектуальная, языковая, стилистическая, жанровая новизна «Зияющих высот» ошеломляет.

Новизна их — абсолютна. И именно поэтому традиции мировой классики, зажившие в фактологически-реалистической и загубленные в постмодернистской прозе и поэзии, возрождены в «Зияющих высотах» с удивляющей полнотой. Все золотые традиции мировой классики воплощены в «нетрадиционном» романе: совмещение комедии и трагедии, смешного и печального, сатиры и оды, сказания и легенды, возвышенного и низменного, стихии площадного просторечия и логической стройности академической беседы, стихов и прозы.

А пафос «Зияющих высот» — все тот же пафос гуманистической религии, такой же философии и искусства: трагедия Пророка, несущего людям учение любви и правды и отвергнутого не понявшим его обществом, и трагедия общества, гибнущего вслед Пророку потому, что оно его отвергло.

В заключение процитирую исповедальные слова самого Шизофреника (А. Зиновьева), почему он написал «Зияющие высоты»:

«Им овладело смутное ощущение тайны, известной только ему одному или, во всяком случае, очень немногим, и он не мог окончить свою бесплодную жизнь, не сделав последней попытки сообщить эту тайну людям. Он знал, что людям его тайна глубоко безразлична. Но это уже не играло роли. Он чувствовал моральный долг перед самим собой. Человечество содержалось в нем самом».

Виктор Гюго как-то сказал, что гротесковый характер творчества — обязательный признак гениальности и что гениальный писатель отличается от просто великих резким преувеличением, чрезмерностью, темнотой и чудовищностью всех своих образов.

Таким был Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Таков Александр Зиновьев в «Зияющих высотах».